

Патрушев Сергей

АКАДЕМИЯ ВОРА

Сергей Патрушев

Академия вора

<https://litres.ru/74611732>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Академии вора, где обучают магии тени, скрытности и незаметного проникновения, появляется Алиса.

Она стремительно становится лучшей: парни влюбляются, девушки завидуют, а наставники пророчат ей великое будущее.

Во время практики Алиса обкрадывает аристократку Кранитию, купца Оливера, императора Канона Лисантийского и правителей других империй. Континент гудит: кто эта неуловимая Тень? Никто не догадывается, что дерзкая воровка — скромная ученица.

Содержание

Глава 1. Врата Теней	4
Г	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Патрушев

Академия вора

Глава 1. Врата Теней

Запах Верхнего Города пах гнилью, помноженной на дешевый ладан. Он висел над брусчаткой плотным, осязаемым одеялом, сотканным из испарений сточных канав, подгоревшего жира из сотен харчевен и немых тел тысяч паломников, стекавшихся к Храму Семи Ликов. Для обычного человека этот смрад был удушающим. Для Алисы он был картой.

Она стояла на карнизе шириной в две ладони, прижимаясь спиной к влажному, поросшему изумрудным мхом камню часовой башни. Внизу, на площади Золотого Колодца, бушевала толпа. День Выбора — самый шумный, самый суетливый и самый слепой день в году. Горожане пилились на раззолоченные паланкины аристократов, торговцы надрывали глотки, зазывая купить амулеты от сглаза, а городская стража, облаченная в начищенные до рези в глазах кирасы, лениво отмахивалась от карманников.

Алиса не смотрела на стражу. Она смотрела на тени.

Тени в Верхнем Городе были короткими, жирными и ленивыми, они жались к подножиям статуй. Но здесь, на высоте сорока локтей, где ветер срывал с крыш черепицу, тени

были другими. Они были острыми, как осколки обсидиана, и жили своей собственной, хищной жизнью. Тень от горгульи, сидящей на соседнем шпиле, тянулась через пропасть улицы, перечеркивая окно богатого менялы. Алиса выждала, пока порыв ветра качнет медный флюгер-петуха, и шагнула.

Это не был прыжок в привычном понимании. Это было падение, лишённое паники. Ее тело, легкое и тренированное до звона в костях, вошло в поток тени, как нож в масло. На один удар сердца мир исчез — не стало ни вони, ни гула толпы, ни ветра. Была только абсолютная, бархатная чернота, пахнувшая озоном и старой пылью. Затем ее подошвы из мягкой, не знающей подметок кожи беззвучно коснулись свинцового желоба на крыше менялы.

Она замерла, распластавшись. Желоб был скользким от птичьего помета. Алиса перекатилась, вжимаясь в изгиб водостока. Внизу, прямо под ней, тяжело протопал патруль. Офицер, пыхтя, остановился перевести дух, облокотившись на перила балкона ровно в том месте, где секунду назад находились ее пальцы.

— Проклятая духота, — пробормотал он, утирая пот со лба краем форменного плаща. — В такой день даже крысы не воруют, жарко слишком.

Алиса позволила себе едва заметно усмехнуться уголком губ. Крысы не воруют. Крысы берут то, что плохо лежит. А плохо лежало сегодня все: кошельки, небрежно брошенные на прилавки, ключи в замках, государственные тайны, кото-

рые чиновники обсуждали в закрытых экипажах, думая, что уличный шум их скроет.

Ее цель лежала дальше, за кварталом ювелиров, за стеной внутреннего кольца. Академия Вора не значилась ни на одной карте. В реестрах городского совета она проходила как «Склад конфиската №4, опечатан». В проповедях жрецов Лика Справедливости она упоминалась как «Гнездо порока, которое однажды поразит молния». На самом деле она находилась прямо под ними.

Вход в нее не охранялся. Его нельзя было охранять. Любой стражник, подошедший к нужному переулку ближе чем на десять шагов, внезапно вспоминал о больной тетке в предместьях и спешно уходил. Любой патруль менял маршрут за квартал до. Город сам защищал свои Врата Теней, потому что Академия была его опухолью, его грязной тайной и его единственным предохранительным клапаном.

Алиса достигла края крыши. Впереди зиял провал узкого, лишенного окон переулка, который местные называли Кишкой. Солнце никогда не заглядывало сюда. Внизу, в абсолютном мраке, угадывалась лишь одна деталь: медная ручка двери, вмонтированной в кладку на уровне земли.

Двери не было. Точнее, для обычного зрения ее не существовало. Она была соткана из самой тьмы переулка, уплотненной до состояния старого дерева.

Алиса оттолкнулась от конька крыши. Она не стала спускаться по стене. Она позволила гравитации сделать свое де-

ло, но в последний момент, когда до мостовой оставалось пять локтей, она схватилась за ржавый водосточный крюк, подтянулась и мягко, по-кошачьи, приземлилась на четвереньки. Ни звука.

Она подошла к двери.

— Ты опоздала на три вдоха, — раздался голос из пустоты. Он не был громким, но вибрировал прямо в височных костях. — Я начал думать, что ты разбилась о камни, и мне стало скучно.

Алиса не вздрогнула. Она знала, что за ней наблюдают. — Камни сегодня мягкие, — ответила она, глядя прямо перед собой. — Нагрелись на солнце.

— Ложь, — констатировал голос. — Твоя тень дрожит. Она боится высоты, хотя твое лицо изображает скуку. Хорошая маска, девочка. Для уличной торговли. Но здесь торгуют не гнилыми яблоками.

— Я не торговка, — сказала Алиса.

— Это мы сейчас проверим.

Дверь, которой не было, обрела плотность. Из мрака проступили доски, сбитые коваными гвоздями. Медная ручка похолодела.

Алиса взялась за нее.

Правило номер один, которое вбивали в подворотнях Нижнего Города: никогда не открывай дверь, если не знаешь, что за ней. Но это была не просто дверь. Это был порог. Точка невозврата.

Она повернула ручку.

Запах гниющего ладана остался снаружи. Его отрезало так резко, словно захлопнули крышку гроба. Внутри пахло озоном, старым пергаментом, железом и чем-то сладковатым, похожим на жженный сахар.

Свет ударил по глазам. Не яркий, солнечный, а рассеянный, серый, идущий отовсюду сразу. Алиса моргнула, привыкая, и шагнула вперед.

Она оказалась в зале, который физически не мог существовать под фундаментом часовой башни. Потолок терялся во мраке на высоте доброй сотни локтей. Стены были выложены черным обсидианом, в котором, если присмотреться, не отражалось ничего. Пол был составлен из тысяч идеально подогнанных плит белого мрамора.

И на этом мраморе, в десяти шагах от нее, стоял человек.

Он был одет в простой серый балахон, капюшон которого скрывал лицо. Но Алиса видела не ткань. Она видела пустоту под ней. Там, где должны были быть глаза, клубился первородный мрак.

— Меня зовут Никто, — сказал человек. Его губы не двигались. — Я — первый фильтр. Сито. Сквозь меня проходят раз в десять лет. Остальные становятся пылью.

— Я — Алиса, — ответила она, не опуская взгляда.

— Нет, — голос Никто заполнил весь зал. — Алиса — это имя, которое дали тебе нищие в приюте при Храме Милосердия, потому что ты умела исчезать, как Алиса в кроли-

чьей норе. До этого тебя звали «Крысенок». А еще раньше — «Ничто», когда ты выползла из сточной канавы в возрасте трех лет, вся в крови, не помня ни отца, ни матери.

Алиса стиснула зубы. Ее плечи едва заметно напряглись. Это было ее единственное слабое место — отсутствие корней. Тот, у кого нет прошлого, не имеет и цены. Его легко продать, легко купить и легко выбросить.

— Прошное не имеет значения, — произнес Никто, делая шаг вперед. Мрамор под его ногами не издавал ни звука. — Значение имеет то, что ты можешь унести с собой в темноту. Правила просты. В конце этого зала, за той аркой, находится комната. В комнате на столе лежит Ключ. Настоящий, железный ключ от хранилища городского казначейства. Твоя задача — принести его мне.

— И все? — Алиса приподняла бровь. — Просто зайти и взять?

— В зале нет стражи, — продолжил Никто, игнорируя ее сарказм. — Нет ловушек с отравленными иглами. Нет проваливающихся полов. Это не испытание на ловкость пальцев. Это испытание на право называться Тенью.

Он поднял руку. В ладони вспыхнул огонек — не пламя свечи, а холодный, синеватый свет. — Видишь эти плиты? — спросил он.

Алиса опустила глаза. Мрамор казался монолитным. — Вижу.

— Ты видишь не то. Смотри глубже.

Алиса закрыла глаза, отключая зрение. Она переключила внимание на слух, на обоняние, на едва уловимые вибрации воздуха. И тогда она увидела.

Мраморный пол был исчерчен тончайшими, почти невидимыми линиями. Это была не паутина. Это была схема давления. Каждая плита была идеально сбалансирована на центральной оси. Но стоило на нее наступить, как скрытые противовесы в подвалах Академии приходили в движение. — Это весы, — прошептала Алиса.

— Это правосудие, — поправил Никто. — Город — это весы. На одной чаше — порядок, закон, золото казначейства. На другой — мы. Чтобы забрать что-то у города, нужно положить на его чашу равноценный груз. Страх. Хаос. Или... другую кражу.

Он щелкнул пальцами. Из теней по периметру зала выступили фигуры. Десять человек. Они не вышли из дверей — они просто соткались из серого света. Мужчины и женщины, разных возрастов, но с одинаковыми пустыми глазами. — Это прошлогодний набор, — сказал Никто. — Те, кто дошел до этого зала. Они тоже хотели стать Тенями. Они стоят на плитах, которые уже знают. Они будут стоять так три дня. Без еды. Без воды. Они не могут сойти, потому что любая соседняя плита для них — неизвестность. Шаг в сторону — и скрытый в механике пола молот превратит их ноги в фарш. Они стоят и смотрят на тебя.

Один из «прошлогодних» — долговязый парень с нерв-

ным тиком — вдруг дернулся. Его нога соскользнула. Раздался звук, похожий на удар гигантского гонга. Глубокий, утробный гул прошел по костям. Сверху, из темноты потолка, сорвалась стальная балка. Она летела прямо на парня.

Тот не успел даже вскрикнуть. Но за мгновение до удара из-за его спины метнулась другая фигура — девушка с короткими рыжими волосами. Она не пыталась спасти его. Она просто шагнула на его плиту, плечом к плечу, принимая вес на себя. Балка с оглушительным лязгом ударила в мрамор, расколов его в пыль, но механизм весов не сработал. Нагрузка распределилась.

Парень стоял, трясась, по его щекам текли слезы. Рыжая даже не повернула головы.

— Видишь? — голос Никто снова был в голове Алисы. — Он забыл правило. Он подумал о себе. Она — нет. Она подумала о балансе. Ключ в комнате — это не золото, Алиса. Золото — это яд для тех, кто хочет стать Тенью. Оно слишком тяжелое. Оно тянет на дно.

Никто растворился в воздухе. Просто перестал быть.

Алиса осталась одна в зале с мраморными весами.

Она сделала глубокий вдох. Ее прошлое — уют, канава, кличка «Крысенок» — билось в висках загнанной птицей. Она потратила десять лет, чтобы выбраться из грязи. Десять лет она училась быть быстрее, тише, незаметнее. Она воровала не ради денег. Она воровала ради ощущения власти над пространством. Деньги можно отнять. Навык — никогда.

Она шагнула на первую плиту.

Мрамор был ледяным. Она прислушалась к себе. Механизм под полом пришел в движение — где-то далеко внизу заскрежетали несмазанные шестерни. Но плита не провалилась. Она выдержала ее вес.

Алиса выдохнула.

Она не пошла прямо. Это было бы слишком просто, и Никто никогда не делает просто. Она пошла зигзагом.

Ее движения напоминали танец. Шаг влево — плита. Пауза. Слушать скрежет. Шаг вперед по диагонали — плита. Она двигалась, считывая напряжение камня под ногами. Она чувствовала, как балансирует весь этот колоссальный механизм. Если она сделает неверный шаг, если создаст перекос, Академия просто сбросит балку, чтобы выровнять систему.

На пятом перекрестке она остановилась. Впереди, на расстоянии трех плит, стояла одна из «прошлогодных». Женщина в изодранном балахоне. Она смотрела на Алису с безумной надеждой. — Помоги, — прошептала она. — Я не знаю, куда дальше. Я забыла схему.

Алиса посмотрела на женщину, затем на пол. Женщина стояла на плите, которая была соединена с маршрутом Алисы. Если Алиса пойдет своим путем, она создаст резонанс. Механизм решит, что на плите двое, и ударит.

Алиса могла перепрыгнуть. Она была достаточно легкой и быстрой. Но прыжок — это удар. Удар — это вибрация. Вибрация — это смерть для той, кто не знает, куда наступать.

— Иди за мной, — ровно сказала Алиса. — Смотри под ноги. Ступай точно в мои следы.

Она начала двигаться, прокладывая путь для двоих. Это замедляло ее в два раза. Каждый шаг теперь требовал ювелирной точности. Она вела женщину, как поводырь ведет слепого, чувствуя, как пот стекает по позвоночнику.

Они миновали опасный участок. Женщина вцепилась в рукав Алисы. — Спасибо, — выдохнула она. — Я вынесу твой долг. Когда стану Тенью, я...

Алиса резким, молниеносным движением ударила ее ребром ладони под основание черепа. Тело обмякло, не издав ни звука. Алиса подхватила его, не давая упасть и создать шум. Она аккуратно, как мешок с мукой, опустила бесчувственную женщину на мрамор.

— Баланс, — прошептала Алиса, глядя в остекленевшие глаза. — Ты слишком много вешишь. Твоя благодарность — это груз. Твои обещания — это груз. Тень не дает обещаний.

Она оставила женщину жить. Убивать здесь было бы слишком шумно, а кровь могла изменить коэффициент трения подошв. Но она вывела ее из уравнения.

Алиса пошла дальше, теперь уже одна.

Она вошла в ритм. Тело двигалось само, ведомое древним инстинктом хищника, просчитывающего каждый дюйм пространства. Она больше не думала о казначействе, о золоте или о том, что ждет за аркой. Она стала частью механизма. Еще одной шестерней.

Арка, ведущая в комнату, была в пяти шагах.

Алиса замерла перед предпоследней плитой. Что-то было не так. Она смотрела на мрамор, на его безупречную, глянцевою поверхность. И видела свое отражение.

В отражении не было ее лица. Там была темная, маслянистая вода, в которой тонули лица всех, кого она когда-либо обокрала. Лицо пекаря, у которого она стащила хлеб в пять лет. Лицо стражника, которого она опоила, чтобы пройти в порт. Лицо наставника из воровской гильдии, которого она сдала городской страже три года назад, чтобы занять его место.

Поверхность воды в отражении пошла рябью.

Алиса знала, что это иллюзия. Никакой воды на полу не было. Но ее ноги отказывались двигаться. Мозг кричал об опасности. Это была самая хитрая ловушка Никто — ловушка на самоанализ. Стоило начать копаться в себе, взвешивать свои грехи, как механизм весов считал это за «груз совести» и обрушивал потолок.

— Я — пустота, — сказала Алиса своему отражению.

Она наступила на плитку.

Мрамор под ногой дрогнул. Иллюзия воды всколыхнулась, готовясь поглотить ее. — Я не несу ответственности за тех, кто не умел прятать свои кошельки, — продолжила она, делая второй шаг.

Вода в отражении зашипела. — Я не помню канавы. Я не помню крови. Я помню только движение.

Третий шаг. Плита выдержала. Иллюзия начала трескаться, как тонкое стекло. — Я не Алиса. Я не Крысенок.

Четвертый шаг. Она стояла на краю арки. — Я — Врата. Она шагнула в комнату.

Иллюзия за ее спиной с оглушительным звоном разлетелась на миллионы невидимых осколков.

Комната оказалась крошечной. Никакого стола. Никакого ключа. Посреди комнаты, на невысоком постаменте из черного дерева, лежала книга. Обычная кожаная тетрадь с медным замком, но без ключа в нем.

Алиса подошла ближе. Как только ее тень упала на постамент, книга сама собой раскрылась. Страницы были пусты.

— Ты принесла это? — голос Никто возник за ее спиной.

Алиса не обернулась. — Здесь ничего нет.

— Здесь все, — возразил Никто. — Это Книга Балансов.

Он обошел ее и встал с другой стороны постамента. Теперь его капюшон был откинут. Под ним не было лица. Только клубящийся, живой мрак, в котором иногда вспыхивали и гасли созвездия.

— Ты прошла пол, — сказал он. — Ты поняла, что другие — это лишь переменные в уравнении. Ты убила память той женщины, чтобы сохранить тишину. Это был эффективный, но грязный ход. Тени должны быть чище.

— Я сохранила ей жизнь, — возразила Алиса.

— Ты лишила ее выбора, — парировал Никто. — Ты решила за нее. Это признак силы. Но Академия учит не только

силе. Она учит отсутствию.

Он протянул руку к Книге. — Твое вступительное испытание окончено. Теперь — инициация.

Палец Никто коснулся первой пустой страницы.

Алису выгнуло дугой. Боль не была физической — это не был огонь или нож. Это было стирание. Слово за словом, воспоминание за воспоминанием, невидимая рука выдираала из ее сознания куски прошлого.

Приют при Храме Милосердия. Запах кислого супа. Имя монахини Марты. *Пустота*. Кличка «Крысенок». Первый украденный нож с костяной рукоятью. *Пустота*.

Лицо наставника из гильдии, его предсмертный хрип, когда городская стража вязала его на рынке. *Пустота*.

Она вцепилась в края постамента, чувствуя, как ногти ломаются о дерево. Она пыталась удержать себя, свои якоря. Если она потеряет все, она станет просто инструментом. Оружием в чужих руках.

— Отпусти, — велел голос Никто. — Тень не может иметь тени.

Алиса зажмурилась. И сделала то, чему ее не учили ни в канаве, ни в гильдии. Она перестала сопротивляться.

Она позволила пустоте войти внутрь.

Боль схлынула так же резко, как и началась. Алиса пошатнулась, хватая ртом воздух. Она моргнула, пытаясь сфокусировать взгляд.

— Назови свое имя, — потребовал Никто.

Она открыла рот. И поняла, что не может ответить. Имя было там, на кончике языка, но оно не имело формы. Оно было звуком, который никто никогда не слышал.

— У меня нет имени, — хрипло сказала она.

— Верно, — кивнул Никто. — Теперь у тебя есть номер. Тридцать семь.

Он достал из складок балахона раскаленное докрасна клеймо. Алиса даже не дернулась, когда он прижал железо к ее левому предплечью. Она смотрела, как кожа пузырится, принимая форму двух цифр. Боль была далекой, чужой.

— Твой первый урок, Тридцать семь, — сказал Никто, убирая клеймо. — Ты пришла сюда, чтобы забрать Ключ. Ты думала, что испытание — это кража. Но Академия Вора не учит воровать вещи. Она учит воровать реальность.

Он указал на Книгу Балансов. — Посмотри.

Алиса перевела взгляд на постамент. Книга больше не была пустой. На первой странице каллиграфическим почерком было выведено: *Объект: Алиса. Происхождение: Нижний Город. Навык: Мимикрия. Психотип: Асоциальный хищник. Статус: Стерта. Баланс: Зачислен.*

— Что это значит? — спросила она. Ее собственный голос казался ей чужим.

— Это значит, что девочка по имени Алиса умерла на мраморном полу, — ответил Никто. — Ее долги перед Городом уплачены. Ее прошлое продано. А Тридцать семь теперь официально не существует. Ни для стражи, ни для жрецов,

ни для родителей, которых у тебя никогда не было. Ты — призрак с лицензией.

Он щелкнул пальцами. Книга исчезла. — А теперь пойдем. Твое настоящее обучение начинается с погребения. Мы должны похоронить то, что осталось от твоего трупа в переулке Кишки. Тени не оставляют тел.

Никто развернулся и шагнул прямо в каменную стену.

Тридцать семь посмотрела на свои руки. На раскаленное клеймо, которое уже перестало дымиться и теперь выглядело как старая татуировка. Она не чувствовала ни триумфа, ни страха. Она вообще ничего не чувствовала, кроме звенящей, кристальной пустоты.

Она была идеальным инструментом.

Алиса сделала шаг вперед и вошла в камень, следуя за своим новым хозяином. Снаружи, на площади Золотого Колодца, толпа продолжала праздновать День Выбора, даже не заметив, что одна из теней на брусчатке только что обрела волю и ушла искать себе новую хозяйку. Дверь из мрака за ее спиной беззвучно закрылась, снова став частью глухой стены. Город вздохнул свободнее. Баланс был восстановлен.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.